

**Русский архив. Историко-литературный
сборник. 1865**

Выпуски 7-12

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1865: Выпуски 7-12 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 436 с.

ISBN 978-5-458-28046-4

«Русский архив» – ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подбирал исторический материал для романа «Война и мир». Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мленный жирный мопсъ какой нибудь; батистовые воротнички, канальство..... Копъйкинъ мой встацился кое какъ, можете вообразить себѣ, съ своею деревяшкою въ приѣмную, прижался кое какъ ⁽¹⁴⁾ въ уголку, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу какую нибудь ⁽¹⁵⁾. Ну, разумѣется, что онъ тамъ настоялся, нѣкоторымъ образомъ ⁽¹⁶⁾, вдоволь, потому что пришелъ ⁽¹⁷⁾ въ такое время, когда ⁽¹⁸⁾ министръ, въ нѣкоторомъ родѣ ⁽¹⁹⁾, едва поднялся, такъ сказать ⁽²⁰⁾, съ постели и камердинеръ можетъ быть ⁽²¹⁾ поднесъ ему ⁽²²⁾ какую нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ ⁽²³⁾. Ждетъ мой Копъйкинъ часа два ⁽²⁴⁾, четыре, какъ вотъ входитъ наконецъ адъютантъ, или тамъ другой, понимаете, чиновникъ дежур-

ченна, въ доброй арбузъ величиною. Физиономія эдакая графская.“

⁽¹⁴⁾ Первоначально было написано: „знаете кое какъ.“

⁽¹⁵⁾ Первоначально, вмѣсто подчеркнутыхъ словъ, было написано: какъ нибудь локтемъ какую нибудь тамъ Америку или Индію эдакую, понимаете, раззолоченную фарфоровую вазу.“

⁽¹⁶⁾ Мѣсто отъ слова: „ну“, до слова: „образомъ“ написано карандашомъ вмѣсто слѣдующаго: „ну онъ настоялся тамъ себѣ“ и потомъ исправленнаго: „ну можете представить сами, что онъ настоялся тамъ.“

⁽¹⁷⁾ Первоначально было написано: „можетъ быть пришелъ.“

⁽¹⁸⁾ Первоначально было написано: „что.“

⁽¹⁹⁾ Вмѣсто подчеркнутыхъ словъ было написано: „можете представить себѣ.“

⁽²⁰⁾ Словъ: „такъ сказать“ первоначально не было.

⁽²¹⁾ Первоначально было написано: „еще можетъ быть.“

⁽²²⁾ Первоначально было написано: „только ему.“

⁽²³⁾ Подчеркнутыя слова прибавлены потомъ.

⁽²⁴⁾ Слово: два написано карандашомъ.

ный. «Министръ», говоритъ, „сейчасъ выйдетъ въ приѣмную“. А въ приѣмной ужь, понимаете ⁽²⁵⁾, народу бездна, какъ бобовъ тарелка, а кое идъ даже и толстые золотые макароны видать на эполетахъ; генералитетъ такой.....

Наконецъ министръ выходитъ. Ну, подошелъ къ одному, къ другому ⁽²⁶⁾: „За чѣмъ вы? что вамъ угодно?“ Наконецъ къ Копъйкину. Копъйкинъ, собравшись съ силами: „Такъ и такъ ваше высокопревосходительство, проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, лишился, такъ сказать, руки и ноги ⁽²⁷⁾, работать не могу, — осмѣлился просить монаршей милости“. Министръ видитъ: человекъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнуть къ мундиру: „Хорошо“, говоритъ, „попавъдайтесь на дняхъ“. Вотъ, сударь мой, не прошло четыре или пять дней, мой Копъйкинъ является опять ⁽²⁸⁾.

⁽²⁵⁾ Вмѣсто подчеркнутыхъ словъ, написанныхъ частію карандашомъ, первоначально было написано слѣдующее: „какъ вотъ адъютантъ министра говоритъ: сейчасъ министръ выйдетъ въ приѣмную; а въ приѣмной ужь“.

⁽²⁶⁾ Вмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „и пятигласные, а у иныхъ понимаете и эполеты съ золотыми толстыми макаронами. Вотъ министръ наконецъ выходитъ. Къ тому, къ другому.“ Слова: „генералитетъ такой“ написаны карандашомъ.

⁽²⁷⁾ Вмѣсто подчеркнутыхъ словъ первоначально было написано: „проливалъ кровь, лишился руки и ноги.“

⁽²⁸⁾ Противъ этого мѣста на полѣ написано слѣдующее: „а, говоритъ министръ, я вамъ ничего не могу другаго сказать какъ только то, что вамъ нужно ожидать пріѣзда Государя; тогда безъ сомнѣнія будутъ сдѣланы какія нибудь распоряженія на счетъ раненыхъ. А безъ монаршей я, такъ сказать, воли ничего не могу сдѣлать. Поклонъ, понимаете, прощайте. Копъйкинъ мой, можете вообразить себѣ, вышелъ въ этакое въ нѣкоторомъ родѣ въ положеніи сомнительномъ, не зная, такъ сказать, ожидать или не ожидать чего. Думаетъ хотя бы ужь навѣрно

Говорятъ: „Нельзя! приходите завтра. Министръ не принимаетъ“. На другой день тоже. А швейцаръ на него просто и смотрѣть не хочетъ. У моего Копѣйкина всего на всего остается какой нибудь полтинникъ. То бывало ѣдалъ щи да говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую нибудь эдакую селедку, или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша. Словомъ, можете представить себѣ, *голодаетъ бѣднякъ* ⁽²⁹⁾, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакаго какого нибудь ресторана: *поваръ тамъ собака, можете себѣ представить, иностранецъ, бѣлье на немъ чистѣйшее голландское, работаетъ котлетки съ трюфлями, ну, рассупе-деликатесъ такой, что вотъ, просто, себя, то есть, съѣлъ отъ аппетита* ⁽³⁰⁾. . . . Пройдетъ-ли мимо Милютинскихъ лавокъ,—тамъ изъ окна выглядываетъ какая нибудь эдакая семга, вишенки по пяти рублей штука, *арбузъ громадище, просто карета какая нибудь эдакая, такъ сказать, ищете нѣтъ-ли идь дурака, который-бы заплатилъ сто рублей; словомъ на всякомъ шагу соблазны такіе. У моего капитана Копѣйкина текутъ слюнки, а онъ слышитъ между тѣмъ все: завтра. Такъ вотъ представьте положеніе-то, понимаете, его какое: тутъ съ одной стороны, мо-*

что нибудь; жить, можете представить, становится труднѣе и труднѣе. Ну, думаетъ себѣ, что будетъ, то будетъ, пойду опять къ министру: какъ хотите ваше высокопревосходительство, послѣдній кусокъ доѣдаю, не поможете—долженъ умирать, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода.“

⁽²⁹⁾ Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „голодаетъ бѣднякъ мой страшно“.

⁽³⁰⁾ Первоначальная редакція подчеркнутыхъ словъ была слѣдующая: „поваръ тамъ, бѣлье на немъ, понимаете эдакое чистое, работаетъ котлетки съ трюфлями—все эдакое рассупе-деликатесъ, какъ говорится“.

жете вообразить, у него семга ⁽³¹⁾ и арбузъ, а ему подносятъ все одно и то же блюдо: завтра. *Наконецъ сдѣлалось бѣднякъ, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ терпѣннѣ; рѣшился, что то будетъ то будетъ, однимъ словомъ, итти еще разъ къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ-ли еще какой проситель* ⁽³²⁾, и тамъ съ какимъ-то, понимается, генераломъ проскользнулъ съ своей деревяшкой въ пріемную. Министръ-то ужъ его узналъ вдругъ. „Ну, говоритъ, для васъ теперь ничего нельзя сдѣлать, нужно ожидать пріѣзда Государя. Тогда, говоритъ, безъ сомнѣнія, составится какой нибудь комитетъ на счетъ раненыхъ“. — „Но, помилуйте, ваше высокопревосходительство, у меня нѣтъ куска хлѣба, я проливалъ, можете себѣ представить, кровь, лишился руки и ноги“... Только министръ, сударь мой, или былъ занятъ, или ужъ онъ точно надоѣлъ ему: „Ступайте“, говоритъ,—„васъ много, говоритъ, есть такихъ; ищите средствъ помочь себѣ сами“. — „Помилуйте“, говоритъ мой Копѣйкинъ, „какъ-же я могу помочь себѣ, не имѣя ни руки, ни ноги!“ И онъ то хотѣлъ прибавить: „А носомъ и подавно не сдѣлаешь; только развѣ что высморкаешься, да и для того нужно купить платокъ!“ ⁽³³⁾. Только

⁽³¹⁾ Первоначальная редакція подчеркнутаго мѣста была слѣдующая: „арбузъ тамъ эдакой; у него только, можете себѣ представить, текутъ слюнки, а онъ слышитъ между тѣмъ все, завтра. Тутъ понимаете семга“.

⁽³²⁾ Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ первоначально было написано: „Копѣйкинъ мой рѣшился итти на проломъ. Дождался у подъѣзда, не будетъ-ли еще какой проситель“.

⁽³³⁾ Къ мѣсту отъ словъ: „ну, говоритъ, для васъ теперь“... до словъ: „купить платокъ“, имѣется на полѣ, написанный чрезвычайно нечетко карандашомъ, слѣдующій вариантъ: „Ну, говоритъ, вѣдь я вамъ сказалъ, что ждете; за чѣмъ вы явились опять“. — „Помилуйте, ваше

министръ, сударь мой, началъ, можете себѣ представить, сердиться. „Ступайте же, говорятъ, или васъ выведутъ!“ А мой Копѣйкинъ (голодъ-то, знаете, прищиприлъ его): „Какъ хотите, ваше высокопревосходительство, не сойду, говорить, съ мѣста до тѣхъ поръ, покамѣстъ не дадите надлежащей резолюціи“. И министръ, сударь мой, вышелъ изъ себя. *И въ самомъ дѣль, можете себѣ представить, еще можетъ быть дотолъ въ льтописяхъ міра, такъ сказать, не было, чтобы какой нибудь Копѣйкинъ такъ говорилъ съ министромъ* (34); чиновный тамъ у него народъ, можете себѣ представить, все это на подобострастіи.

«Грубіантъ!» закричалъ онъ. «Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать фельдъ-егеря! Препроводить его, говорить, съ фельдъ-егеремъ на мѣсто жительства“. А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой нибудь, ручища у него, понимаете, ужъ такъ натурой устроена для ямщиковъ, дантистъ эдакой.... Вотъ его раба Божія схватили, сударь мой, да въ телѣжку, съ

высокопревосходительство, лишился, такъ сказать, руки и ноги, куска хлѣба нѣтъ.“ Ну, министръ..... (здѣсь нельзя разобрать нѣсколькихъ словъ). „Говорю ступайте, ступайте, я не могу для васъ теперь ничего сдѣлать, не имѣю на этотъ счетъ никакого уполномочія; ожидайте смирно, а покамѣстъ ищите сами себѣ помощи.“ — „Но, ваше высокопревосходительство, можете представить себѣ въ нѣкоторомъ родѣ сами, какъ мнѣ помочь себѣ, когда я работать не могу, не имѣя руки“. Только министръ или былъ занятъ, или просто такъ онъ уже надѣлъ, только говорить.... (здѣсь опять неразобрано слово): „у меня много такихъ, какъ вы; не пойди-же мнѣ за всѣхъ, такъ сказать, просить....“ Это мѣсто имѣетъ связь съ тѣмъ, которое написано выше, также на полѣ.

(34) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, написанныхъ карандашомъ, первоначально находились слѣдующія: „Противурѣчій онъ, знаете, почти не слыжалъ никогда“.

фельдъ-егеремъ. „Ну, Копѣйкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ не нужно платить прогонъ, спасибо и за это“. *Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъ-егерь, да ѣдучи на фельдъ-егерь, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говоритъ онъ, „когда министръ мнѣ наконецъ сказалъ поискать самому средствъ* (35); хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куды именно привезли, ничего этого неизвѣстно. *Такъ, понимаете, и слухи объ капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но только позвольте, господа, вотъ тутъ-то, можно сказать, и начинается, такъ сказать, нить романа. И такъ, куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но не прошло* (36), можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ Рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, никто другой, какъ нашъ капитанъ Копѣйкинъ. Набралъ тамъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ, *нѣкоторымъ образомъ, банду цѣлую* (37). Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны. Все это привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь — копѣйка, забубень вездѣ такой—хоть трава не расти. Словомъ, сударь мой, у него, просто, *армія* (38). По дорогамъ никакого проѣзда

(35) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, написанныхъ карандашомъ, первоначально находились слѣдующія: „хорошо, говоритъ, когда ты самъ, говорить, совѣтывалъ поискать самому средствъ“.

(36) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально были написаны лишь слѣдующія: „только, сударь мой, не прошло“.

(37) Первоначально въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, было написано: „шайку пристрашную“.

(38) Первоначально было написано: „полкъ цѣлый“.

нѣтъ, и все это понимаете *собственно, такъ сказать* ⁽³⁹⁾, устремлено на одно только казенное ⁽⁴⁰⁾. Если проѣзжающій по какойнибудь то есть своей надобности,—ну, спросить только, за чѣмъ,—да и ступай своей дорогой. А какъ только какойнибудь фуражъ казенный, провіантъ, или деньги, *словомъ все, что носитъ, такъ сказать, имя казеннаго,—спуска никакого. Ну, можете себя представить, казнѣ изъязъ ужасный* ⁽⁴¹⁾. Услышитъ-ли ⁽⁴²⁾, что въ деревнѣ какойнибудь казенной ⁽⁴³⁾ близко уже платить казенный оброкъ,—онъ ужъ тамъ. *Требуется тотъ же часъ къ себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, старосту* ⁽⁴⁴⁾. „Подавай братъ казенные оброки и подати“. Ну, мужикъ видитъ—эдакой безногой чортъ, на воротникъ-то у него, понимаете ⁽⁴⁵⁾, жаръ птица, красное сукно, пахнетъ ⁽⁴⁶⁾, чортъ возьми, оплеухой..... „На, батюшка! вотъ тебѣ, отвяжись только“. Думаетъ: „ужъ, вѣрно ⁽⁴⁷⁾, какойнибудь капитанъ исправникъ, а, можетъ быть, еще и того еще хуже“ ⁽⁴⁸⁾. Только, сударь мой, деньги онъ, понимаете, приметъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестъ-

(39) Подчеркнутыя слова первоначально не были написаны.

(40) Первоначально было написано: „больше на казенное“.

(41) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „казна—спуска никакого. Словомъ казнѣ изъязъ ужасный“.

(42) Въмѣсто словъ: „услышитъ-ли“, первоначально было написано: „это еще на все: какъ только услышитъ“.

(43) Здѣсь зачеркнуто слово: „мужикамъ“.

(44) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „гдѣ староста?“

(45) Слово: „понимаете“ приписано впоследствии.

(46) Первоначально было написано: „это пахнетъ“.

(47) Слово: „вѣрно“ приписано потомъ.

(48) Слова подчеркнутыя первоначально не были написаны.

янину писать росписку, чтобъ, *нѣкоторымъ образомъ* ⁽⁴⁹⁾, ихъ оправдать, *чтобы крестьянину чегонибудь не досталось, понимаете* ⁽⁵⁰⁾, что вотъ принялъ, молъ, всѣ казенныя подати сполна такой-то капитанъ Копѣйкинъ, и еще приложить и печать свою. Словомъ, сударь мой, гдѣ только есть какойнибудь казенный профитъ, онъ грабитъ, то есть, на пропалую. Посланы были нѣсколько разъ команды изловить его; *куды, Копѣйкинъ мой и въ усъ не дуетъ* ⁽⁵¹⁾. Голодеры, понимаете, *все собрались такіе* ⁽⁵²⁾. Но наконецъ, можетъ быть, испугавшись сама, видя, что дѣло, *такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ что деньжонокъ у него капиталецъ* ⁽⁵³⁾ набрался порядочный; онъ ⁽⁵⁴⁾, сударь мой, за границу, *да за границу* ⁽⁵⁵⁾ прямо, можете представить себѣ, въ Соединенные Штаты! И пишетъ оттуда, сударь мой письмо къ Государю, краснорѣчивѣйшее, какое только можете вообразить. Въ древности Платоны и Демосвены какіенибудь, все это, можно сказать ⁽⁵⁶⁾, тряпка, дѣлчокъ въ сравненіи съ нимъ: „Не подумай, Государь“, говоритъ, „чтобъ я того, и того и того“... (круглоту пе-

(49) Слова подчеркнутыя прибавлены потомъ.

(50) Слово подчеркнутыхъ первоначально не было написано.

(51) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „Только куды, батюшко. Копѣйкинъ мой ничего не боится“.

(52) Первоначально, въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, было написано: „все такіе съ нимъ“.

(53) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „дѣйствительно усиленных преслѣдованій, а можетъ быть, понимаете, и то, что денегъ у него капиталецъ“.

(54) Первоначально было написано: „онъ вдругъ ушелъ“.

(55) Слова: „да за границу“ приписаны сверху.

(56) Слово: „можно сказать“ первоначально не было написано.

родовъ, понимаете, запустилъ такую...) „Необходимость“, говоритъ, „была причиною моего поступка (57) Проливалъ кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни (58), и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй, говоритъ, моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать (59), собственно мною; а окажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если (60) тамъ попадутся раненые, такъ чтобы, примѣромъ (61), за ними эдакое, можете себя представить (62), смотрѣнїе“.... Словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете (63), былъ, такъ ска-

(57) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „причина“.

(58) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „жизни то есть не щадилъ“.

(59) Слова: „такъ сказать“ первоначально не были написаны.

(60) Первоначально, вмѣсто *если*, было написано *какъ*.

(61) Слово: „примѣромъ“ приписано потомъ.

(62) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: „какое нибудь“.

(63) Въмѣсто подчеркнутого слова первоначально было написано: „то есть, вы можете себя представить“.

затъ, тронуть. Дѣйствительно его монаршему сердцу было прискорбно, что *человѣкъ, такъ сказать, точно былъ доведенъ до послѣдней крайности (64)*. Онъ далъ немедленно же повелѣнїе, чтобы больше не преслѣдовать виновныхъ, а строжайшее предписаніе — составить комитетъ, исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть, раненыхъ. И вотъ это именно была причина, сударь мой, что такимъ образомъ положено основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно (65). Такъ вотъ кто, сударь мой, этотъ капитанъ Копѣйкинъ. Теперь я полагаю, что онъ въ Соединенныхъ Штатахъ денежки прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы, понимаете, еще какимъ нибудь образомъ попробовать что не удастся ли какое нибудь, *въ нѣкоторомъ родѣ (66)*, новое предпрїятіе.....

(64) Подчеркнутыхъ словъ первоначально не было написано.

(65) Слово: «совершенно» первоначально не было написано.

(66) Въмѣсто подчеркнутыхъ словъ, первоначально было написано: «такъ сказать».

ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ Кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Князю Петру Андреевичу Вяземскому отъ Гоголя.

Июнь 25. Римъ.

Уже протекло болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть и слышать васъ, князь. Но я помню такъ, какъ бы это было вчера и буду помнить долго вашу доброту, вашъ прощальный поцалуй, данный вами мнѣ уже на пароходѣ, ваши рекомендательныя письма, которыя прїобрѣли мнѣ благосклон-

ный прїемъ отъ тѣхъ, которымъ были вручены. — Живя въ Римѣ, я припомнилъ все то, что вы говорили мнѣ о немъ. Все это справедливо, также какъ и вѣрное ваше сравненіе его съ Неаполемъ (1).

(1) Кн. П. А. Вяземскій называлъ Неаполь блестящею волшебною оперою, на которую посмотришь съ удовольствіемъ, а Римъ хорошимъ романомъ Вальтеръ-Скотта, который чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ глубже въ него вчитываешься, съ нимъ сживаешься и роднишься.

Я читаю этотъ романъ каждый день съ новымъ и новымъ наслажденіемъ и, какъ въ картинѣ стариннаго мастера, я въ немъ отыскиваю каждый день новое и только говорю: какъ много новаго въ старомъ и куда какъ больше нежели въ самомъ новомъ! Еще не такъ давно былъ я вмѣстѣ съ княгиней Зип. Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ⁽²⁾. Кусты розъ и кипарисы растутъ; между ними прокрались какіе-то незнакомые два три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые вырастаютъ сами собою на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ намъ, но мы глядимъ, силимся и не можемъ понять ихъ. Потомъ я былъ еще одинъ разъ съ однимъ Москвичемъ, знающимъ васъ — и вновь увѣрился, что эта могила не сирота: въ Италиіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему. — Дождемся ли мы васъ подъ наше роскошное небо, хотя на нѣсколько дней отогрѣть душу, безъ сомнѣнія уставшую отъ жесткихъ ласкъ сѣвера, хотя и родственныхъ? Я думалъ, что я по крайней мѣрѣ встрѣчу здѣсь извѣстіе о выходѣ полнаго собранія вашихъ сочиненій, но сколько ни переглядывалъ нашу тощую Сѣверную Пчелу, нигдѣ не нашель объ этомъ ничего. Что касается до меня..... но прежде позвольте мнѣ замучить васъ моею убѣдительною просьбою. Ваша доброта и ваша прекрасная душа дають мнѣ эту дерзость. Примите благосклонно подателя этого письма, брата моего — Данилевскаго. Отлагая въ сторону родство, я могу сказать, что это одинъ изъ достойнѣйшихъ молодыхъ людей: въ немъ много таланта и вкуса. Бывши два года въ Парижѣ, въ Италиіи и Германіи, онъ не

пропустилъ ничего, чего бы не обратить въ свою пользу. Онъ мой единственный родственникъ и единственный другъ отъ колыбели, отъ первыхъ лѣтъ юности дѣлившій со мною все, всѣ небольшія мои радости и горя. Онъ намѣренъ теперь заняться службою. Помогите ему вашимъ вліяніемъ и вашимъ добрымъ совѣтомъ. Вѣкъ не позабуду вашей этой милости и за нее буду въ пятьсотъ разъ болѣе вамъ обязанъ, нежели если бы вы мнѣ оказали ее самому, и, клянусь, она падетъ не на камень. Онъ достоинъ быть болѣе счастливъ, нежели есть: вы это увидите. — Извините меня великодушно, что я такъ дурно и съ такими ошибками пишу. Увы, не въ силахъ! Здоровье мое плохо: всякое запятіе, самое легкое, отяжелѣваетъ мою голову. Италиа, прекрасная, моя ненаглядная Италиа продлила мою жизнь, но искоренить совершенно болѣзнь, деспотически вшедшую въ составъ мой и обратившуюся въ натуру, она невластна. Что если я не окончу труда моего?.. О, прочь эта ужасная мысль! Она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый адъ мукъ, которыхъ не доведи Богъ вкушать смертному. Да сохранятьъ васъ Небеса въ силахъ негаснущихъ и въ здоровьѣ. Не забывайте того, который, не вѣдая ни отношеній, ни приличій свѣта, только слѣдовалъ побужденіямъ своего сердца, благоговѣлъ предъ талантомъ, читать и изучать его считалъ высшимъ наслажденіемъ въ свѣтѣ, а для себя единственнымъ, и который въ слѣдствіе этого былъ всегда исполненъ къ вамъ высокаго, непритворнаго уваженія и любви, знакомой немногимъ.

Вашъ покорный и вѣрный слуга

Н. Гоголь.

(2) Въ Римѣ похоронена дочь князя П. А. Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна (1817—1835).

КАНЦЕЛЯРИСТЪ.

Неизданный рассказ М. Н. Загоскина.

(Изъ пятого выхода: Москва и Москвичи) (*).

..... Ну вотъ какой былъ со мною случай“ — сказалъ Игнатій Федоровичъ Кучумовъ, кладя на столъ свою трубку. — „Это, помнится, было въ тысячу семьсотъ девяносто четвертомъ году. — Я жилъ тогда въ моемъ селѣ, верстахъ въ десяти отъ Курска. Вотъ слышу, что въ губернскомъ городѣ хотятъ строить новыя присутственныя мѣста и вызываютъ на торги желающихъ взять на себя поставку кирпичей. У меня, на ту пору, былъ изрядный кирпичный заводика — чего же лучше? Въ нашей сторонѣ нескоро дождешься такого сбыта — поѣду торговаться! И ужъ вѣрно поставка останется за мною — вѣдь я большихъ барышей не хочу: нашему брату дворянину стыдно казну грабить. Сосѣдъ мой Сергѣй Кандратьичъ Барсуковъ крѣпко мнѣ отсовѣтовалъ брать на себя эту поставку. Да я и слушать его не сталъ. — „Эхъ Игнатій Федоровичъ!“ — говорилъ онъ мнѣ, — „не за дворянское ты дѣло берешься — какой ты подрядчикъ! Ты

„любишь жить бариномъ: лѣтомъ и осенью гуляешь по отъѣзжимъ полямъ, а зимою задаешь банкеты въ губернскомъ городѣ. Нѣтъ, другъ сердечный! Коли хочешь быть подрядчикомъ, такъ не прогнѣвайся! Надѣвай-ка самъ армякъ — да ступай къ себѣ въ прикащики, дворянскую-то спѣсь подь лавку — тому поклонись, тутъ подмажь....“ — Я не далъ ему договорить. „Господи Боже мой! Чтобъ я пустился на такія воровскія дѣла!.. И ради чего я стану дѣлать? Хорошій кирпичъ и безъ этого примутъ, а дурной пускай себѣ бракують — вотъ нашелъ человекъ! Стану я подкупать пріемщиковъ и обманывать нашу матушку-царицу!...“ Сергѣй Кандратьичъ покачалъ головою и прощаясь со мною сказалъ: „Ей Игнатій Федоровичъ! припомни мое слово: наплачешься ты съ этой поставкою; конечно, честь твоя при тебѣ останется, да останутся ли за тобой твои деревеньки?...“ Нечего сказать: умный былъ старикъ — дай Богъ ему царство небесное! Не хотѣлъ я, глупый сынъ, слушать его разумныхъ рѣчей — да за то послѣ и каялся.

Я поѣхалъ въ Курскъ, явился въ губернское правленіе — торги еще не начинались. Гляжу, стоятъ четверо подрядчиковъ, что не первые мошенники въ городѣ. Какъ я вошелъ въ канцелярію, они межъ собой перемигнулись, а я думаю про себя: — „Что ребята? Видно я для васъ не гостинецъ?... Не бось теперь стачки не будетъ — не станете вы, плуты, казну то обирать!“ — Вотъ они межъ собой пошептались, и одинъ изъ

(*) Приносимъ живѣйшую благодарность *Сергію Михайловичу Загоскину* за дозволеніе помѣстить въ нашемъ изданіи это посмертное произведеніе многоуважаемаго писателя, знатока нашей недавней, преимущественно бытовой старины. Въ Біографіи М. Н. Загоскина, написанной С. Т. Аксаковымъ (М. 1853) сказано (стр. 48): «Загоскину показалось, что рамки, назначенныя имъ для своихъ рассказовъ, слишкомъ узки: онъ рѣшился раздвинуть ихъ, т. е. говорить не объ одной Москвѣ и ея обычаяхъ»; и (стр. 51). „Въ бумагахъ его найдено немного: прекрасный рассказъ *Канцеляристъ* и нѣсколько мелкихъ статей и пр“

нихъ купецъ третьей гильдіи Парамоновъ, такой осанистой, съ толстымъ брюхомъ и окладистой сѣдой бородою, подошелъ ко мнѣ, поклонился низехонько и говорить: — „Ваше высокоблагородіе, вы также изволите нашимъ дѣломъ заниматься — сирѣчь касательно сегодняшней поставки?“ — „Да любезный! — отвѣчалъ я — „мы съ вами поторгуемся.“ Купецъ поглядѣлъ вокругъ себя, подошелъ ко мнѣ поближе и сказалъ въ полголоса: — „А что батюшка, ваше высокоблагородіе! Не лучше ли, знаете ли, — эдакъ, на мировую?... Вы, сударь, богатый помѣщикъ, что вамъ въ наши торговые дѣлишки мѣшаться? Что толку-то, батюшка, коли вы цѣну собьете — казну не удивишь: у нея шея-то поглотитъ нашей — не торгуйтесь, ваше высокоблагородіе, а мы бы вамъ отсталова дали...“ — Я вспыхнулъ и помнится ругнулъ порядкомъ этого краснобая; а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, погладилъ свою бороду, поклонился мнѣ въ поясъ и пошолъ опять толковать съ своими товарищами. Вотъ пріѣхалъ губернаторъ, и торги начались: батюшки какая пошла рѣзня! Купцы спускаютъ по гривнѣ — а мое дѣло дворянское, дойдетъ очередь до меня — кричу: „рубли!“, Вотъ они стали спускать по копѣечкѣ — и я съѣхалъ на полтину... Глядь, поглядь — а ужъ цѣна то больно мелка становится. Мои купчики начали переминаться — у одного въ горлѣ пересохло, съ другимъ перхота сдѣлалась; а я себѣ и въ усъ не дую. Повѣритель? Въ такой пришолъ азартъ, что свѣта Божія не вижу: ну точно какъ будто бы опять на штурмъ Измаила — выпучилъ глаза да такъ и лезу. — „За вами, Игнатій Федоровичъ“ — сказалъ губернаторъ — „Честь имѣю поздравить!“ Я посмотрѣлъ на торговый листъ — фу, батюшки! разбойники-то меня вовсе въ нитку вытянули! А дѣлать нечего, поставка за мною. -- Отправился въ свое село, по-

строилъ еще два кирпичныхъ сарая, нанялъ работниковъ, приставилъ къ нимъ прикащика; казалось, человѣкъ хорошій, а вышелъ пьяница и сущій негодай. Сначала все шло порядкомъ; вотъ я и думаю: „прикащикъ у меня малый честный, досужій, пойдетъ и безъ меня!“, далъ ему на расходъ денегъ, а самъ поѣхалъ въ мою здѣшнюю вотчину, да все лѣто и всю осень проохотился. По первому пути я отправился опять въ Курскую губернію; пріѣхалъ въ мое село — прикащикъ сей часъ ко мнѣ явился.

— „Ну что, братецъ, поставка?“ спросилъ я

— „Кончена, сударь.“

— „Совсѣмъ?“

— „Совсѣмъ, Игнатій Федоровичъ.“

— „Ну слава Богу! — такъ браковка была небольшая?“

— „Да почитай на половину.“

— „На половину? — какъ же ты говоришь, что поставка кончена?“

— „Кончена, сударь; только половина та кирпичей куплена на вашъ счетъ, и съ васъ взыщутъ двадцать пять тысячъ рублей.“

— „Помилуй! да вся поставка была въ тридцать тысячъ...“

— „То съ подряду, сударь, а вѣдь на вашъ счетъ покупали кирпичъ по вольнымъ цѣнамъ.“

Двадцать пять тысячъ! Господи Боже мой!.. Да гдѣ ихъ возьмешь?... Вотъ тебѣ и кирпичики! — „Чтожъ ты мнѣ объ этомъ не писалъ разбойникъ?“ — сказалъ я прикащику.

— „Писалъ, сударь, да отъ васъ никакой отвѣди не было; видно, мои письма до васъ не доходили.“

Мошенникъ эдакой!.. Я узналъ послѣ, что онъ ни одного письма ко мнѣ не писалъ и что всѣмъ дѣломъ заправлялъ безграмотный староста Никита, а онъ погуливалъ на мои денежки да съ утра до вечера изъ кабака не выходилъ.

На другой день я отправился въ городъ и заѣхалъ по дорогѣ къ сосѣду моему Барсукову. — „Ну вотъ, Игнатій Федоровичъ!“ сказалъ мнѣ Барсуковъ. „Не говорилъ ли я тебѣ, что ты заплачешься съ этой поставкою? Мнѣ третьяго дня губернаторъ самъ изволилъ говорить, что если ты не внесешь двадцати пяти тысячъ, такъ твое имѣнье продадутъ съ публичнаго торгу. Коли можешь внести, такъ поторопись, любезный, а не можешь такъ десять тысячъ я тебѣ дамъ, а ужь остальные пятнадцать попытайся гдѣ-нибудь занять въ городѣ; авось найдешь!“ — Я поблагодарилъ Сергѣя Кандратьича, отправился въ Курскъ, объѣздивъ всѣхъ знакомыхъ — всѣ обо мнѣ сожалѣютъ, а денегъ никто не даетъ.

На другой день по утру, поѣхалъ я къ губернатору; гляжу, въ пріемной стоитъ купецъ Паромоновъ — тотъ самый что на торгахъ давалъ мнѣ отсталова. — „Что ваше высокоблагородіе“ — сказалъ онъ — „Не угодно ли вамъ будетъ продать мнѣ кирпичиковъ? Мнѣ сказывали, что казна у васъ забраковала безъ малаго половину всей препорціи; такъ остаточекъ долженъ быть не малый—я вамъ, сударь, заплачу по вашей же подрядной цѣнѣ.“

— „А на что тебѣ, любезный, мои кирпичи?“ — спросилъ я.

— „Есть казенная поставочка, ваше высокоблагородіе! Чай, и вы изволили слышать: у насъ собираются строить новую соборную колокольню.“

— И ты хочешь купить у меня бракованный кирпичъ!“

— „Ничего сударь! Наше дѣло торговое—сойдетъ! Я возьму у васъ изрядное количество, хоть на пятнадцать тысячъ, только деньги заплачу не прежде двухъ мѣсяцевъ; а теперь угодно вамъ получить тысячу рублей задатку?“ — продолжалъ купецъ, вынимая изъ за пазухи огромный бумажникъ, набитый ассигнаціями.

Разумѣется, я согласился на его предложеніе. Вотъ меня позвали къ губернатору: онъ повторилъ мнѣ тоже, что я слышалъ отъ моего сосѣда Барсукова. „Ваше превосходительство“ — сказалъ я—„теперь у меня и половины этой суммы нѣтъ; и прежде двухъ мѣсяцевъ я не могу никакъ внести всѣ эти деньги съ полна; такъ нельзя ли какъ-нибудь отсрочить?“

— „Я ужь объ этомъ вчера писалъ къ моему начальству“ — отвѣчалъ губернаторъ — а всего лучше поѣзжайте-ка сами въ Петербургъ, да похлопочите; и коли отвѣтъ на мое представленіе долженъ быть неблагоприятный, такъ ужь это ваше дѣло: постарайтесь, чтобъ его тамъ позадержали. До полученія указа мы здѣсь ни къ чему не приступимъ—станемъ дожидаться, а время-то идетъ да идетъ.“

Что будешь дѣлать! Хоть мнѣ вовсе не хотѣлось ѣхать такую даль и можетъ статья по пустому, а думать-то нечего: скорѣй въ походы! Я взялъ подорожную, пріѣхалъ черезъ недѣлю въ Петербургъ и остановился тамъ у одного пріятеля, который былъ знакомъ съ секретаремъ того присутственнаго мѣста, гдѣ производилось мое дѣло. Онъ далъ мнѣ записочку къ этому чиновнику. Вотъ на другой день я надѣлъ мой штабъ-офицерской мундиръ и явился въ присутственное мѣсто; скинулъ въ прихожей мою шубу, отдалъ ее Ванькѣ и вошелъ въ канцелярію. Гляжу, за столами сидятъ разныя лица — одни пишутъ, другія бесѣдуютъ межъ собою; я всѣмъ поклонъ—а мнѣ никто. Спрашиваю у одного изъ этихъ неучей, гдѣ господинъ секретарь? — молчитъ! — я къ другому — и тотъ поглядѣлъ на меня, протеръ свои очки, пробормоталъ что-то подъ носъ и отвернулся въ другую сторону — экой народецъ, подумаешь! и слова-то даромъ не хотятъ сказать! Гляжу, за однимъ столомъ

сидит молодой парень, собою больно некрасивъ; такой черномазый; кафтанишка на немъ затасканный, рукава коротенькіе, рожа небритая, ну точь въ точь какъ всѣ наши Курскіе подъячіе. — „Авось“ — думаю — добьюсь отъ него толку; кажись, баринъ небольшой.“ Я подошелъ къ нему и спросилъ, гдѣ мнѣ найти секретаря. — „Онъ теперь въ присутствіи“ — отвѣчалъ очень вѣжливо этотъ чиновникъ — „Сейчасъ выдетъ. Да не угодно ли вамъ отдохнуть?“ — продолжалъ онъ, подвигая ко мнѣ порожній стулъ. Я присѣлъ, мы съ нимъ поразговорились; я рассказалъ ему мое дѣло, а отъ него узналъ, что онъ служитъ пятый годъ канцеляристомъ и надѣется скоро быть сенатскимъ регистраторомъ. — „Вотъ и его высокоблагородіе г. секретарь“, сказалъ канцеляристъ, указывая мнѣ на пожилаго человѣка, который вышелъ изъ присутствія. Секретарь принялъ отъ меня записку, прочелъ ее, пожалъ плечами и объявилъ мнѣ, что не можетъ ничего для меня сдѣлать. — „Это ужъ дѣло рѣшеное“ — сказалъ онъ — „указъ подписанъ, сего дня сойдетъ въ регистратуру, а завтра имѣетъ быть отправленъ въ Курское губернское правленіе, которому строго предписывается приступить немедленно къ продажѣ вашего имѣнья.“

— „Да нельзя ли какъ-нибудь пріостановить ходъ этого дѣла?“ — промолвилъ я.

— „Невозможно. Начальникъ у насъ человѣкъ строгой, исполнительный и если что заберетъ себѣ въ голову — такъ не прогнѣвайтесь!“

— „Да неужли этого дѣла нельзя ничемъ поправить?“

— „Я думаю, что такъ. Оно конечно, еслибъ его превосходительство захотѣлъ — такъ можно бы... Да человѣкъ то онъ не такой — баринъ знатный, богатъ, съ нимъ, сударь, не сговоришь.“

— „Нельзя ли мнѣ самому дойти до его превосходительства?“

— „Доложить объ васъ можно, я сейчасъ прикажу. Только изъ этого ничего не выдетъ.“

— „Ужь такъ и быть! — позвольте... попытка не шутка...“

— „Какъ вамъ угодно.“

Обо мнѣ доложили, и эдакъ черезъ полъ часа пригласили въ присутствіе. Фу, батюшки!... Что за великолѣпіе такое!.. Ну это ужъ не наше Курское правленіе!.. Стѣны расписаны сусальнымъ золотомъ, всѣ креслы обиты бархатомъ, зеркала въ узорчатыхъ рамахъ... За краснымъ сукномъ сидятъ, не нашимъ совѣтникамъ чета, особы важныя, у кого въ петлицѣ, у кого на шеѣ... А главной-то начальникъ — такъ ужъ подлинно!.. баринъ! — вельможа истинный!.. Человѣкъ рослый, дородный, лице полное, съ подбородкомъ; высокія, черныя брови дугою — въ кавалеріи!.. Сидитъ такъ важно — одна нога закинута на другую; въ правой рукѣ золотая табакерка съ камнями, лѣвая заткнута за камзолъ... Что грѣха таить! На первыхъ порахъ я сробѣлъ немножко, до скоро оправился — что въ самомъ дѣлѣ? — мы и на штурмы ходили! — Я поклонился всѣмъ присутствующимъ, подошелъ къ начальнику и сказалъ: „Честь имѣю явиться, ваше превосходительство, секундъ-маіоръ Кучумовъ.“

— „Что вамъ угодно, государь мой?“ — спросилъ начальникъ, ударивъ двумя пальцами по своей табакеркѣ.

— „Да милости пріѣхалъ просить, ваше превосходительство — и если вамъ угодно будетъ меня выслушать...“

— „Прошу покорно!..“

Вотъ я и пошелъ! — и такъ и такъ и такъ... Гляжу, его превосходительство то губы надуетъ, то брови подыметъ къ верху, то опуститъ ихъ внизъ, а слушаетъ внимательно.

— „Очень сожалью, государь мой“ — промолвилъ онъ, когда я кончилъ мой раз-